

В РЕВОЛЮЦИИ

СЕВЕРНЫЙ ОБЛАСТНОЙ СЪЕЗД

10 октября Питерский Совет, несмотря на предостережения члена ЦИК Богданова, избирает на Северный областной съезд 15 делегатов-большевиков!

ЦИК пытается маневрировать... ЦИК принимает постановление о созыве съезда Советов на 20 октября.

А мы в разгаре оргработы по Северному съезду.

Сговариваемся со Свердловым об официальном оргбюро съезда — Крыленко, Антонов (Овсеенко), Дыбенко, Раскольников.

Все доклады, резолюции подготовлены и утверждены ЦК. На заседании фракции съезда утверждается порядок дня, докладчики, проекты резолюций, происходит обмен впечатлениями с мест.

В особо доверительном порядке от кого-то с Северного фронта узнаю, что готовится как будто новый «прорыв» — командование собирается оттянуть войска вглубь, открывая немцам фронт.

Прибывший на съезд с Западного фронта Крыленко (тов. Абрам, Горошинка, как его мы звали в 1905 году за малый рост и быстроту бойкой, складной речи — «как горохом сыплет») сообщал:

— Готовится, по-видимому, новая корниловщина в Минске. Город окружен казачьими частями. Штабы и Ставка шепчутся. Усиленная агитация против большевиков среди осетин и других частей. Но фронт в целом за нас и пойдет за нами против Керенского. Минский гарнизон может разоружить все подозрительные части. Можем из Минска дать корпус в Питер.

Во время этой непосредственно предсъездовской работы идет чрезвычайно важное заседание ЦК партии. Накануне в письме к питерским рабочим («Советы постороннего») Ленин указывал на особенное значение Северного областного съезда. От съезда надо идти к восстанию за власть Советов! И Ильич, давая ряд принципиальных указаний о том, как вести восстание, пишет:

«В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступле-

ние всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.».

Чтобы защищать свою точку зрения перед ЦК, Ленин появляется на его собрании 10 октября. Всей своей силой обрушивается он на колеблющихся, сомневающихся: «...давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса...»

То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей Питера, еще более вынуждает нас к решительным действиям...

Большинство теперь за нами... Политическая обстановка таким образом готова... Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий».

Резолюция Владимира Ильича принимается десятью против двух. Краткая, насыщенная фактами характеристика момента: «...вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело»; все организации партии должны «руководиться этим и в этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...».

Для политического руководства восстанием образуется бюро...

Каменев и Зиновьев, оставшись в меньшинстве, заявили о своем особом мнении. Более того, члены бюро «для политического руководства восстанием», они подают в ЦК это свое особое мнение и заявляют, что считают «своим долгом познакомить Петроградский комитет, Московский комитет, Московский областной комитет и Областной Финляндский комитет с этим нашим заявлением».

Об этих заявлениях Каменева и Зиновьева, угрожающих срывом работы выделенного ЦК бюро для политруководства восстанием, узнаем уже в разгар Северного съезда Советов.

11 октября этот съезд открывается. От имени организационного бюро докладываю о подготовке съезда. Инициатива — из Гельсингфорса. Питерский Совет выделил до 30 помощников. Объездили почти все центры. Псковская областная организация решила было участвовать, но пересмотрела это решение и делегата не прислала.

Присутствуют делегаты от городов: Питера, Москвы, Новгорода, Старой Руссы, Боровичей, Ревеля, Юрьева, Архангельска, Вольмары, Кронштадта, Гатчины, Царского Села, Чудова, Сестрорецка, Шлиссельбурга, Выборга, Гельсингфорса, Або. Кроме того, делегаты от Совета крестьянских депутатов, окружного съезда Балтики и от некоторых уездных городов.

Нет делегатов Пскова, Павловска, Тихвина, Петрозаводска.

Цель съезда — «связать в одну мощную организацию всю Северную область; такая спайка необходима для укрепления революции. Данный съезд является как бы предтечей Всероссийского съезда».

Избирается президиум: Крыленко, Каллис (левый эсер), П. Дыбенко, и одно место предоставляется меньшевикам.

Три секретаря: Бреслав, Билима (эсер) и один от меньшевиков.

Крыленко выступает с речью о безутешности итогов семи месяцев революции. Безответственная власть. Хозяйственная разруха. Вопросы мира и войны стоят катастрофически. Совет республики и ЦИК разводят соглашательскую канитель. ЦИК посыпает Скобелева на Парижскую конференцию договариваться с союзными империалистами. Наш съезд должен сказать свое слово обо всем этом позоре.

Выступаю вне очереди от большевиков, предлагаю принять такую резолюцию-обращение:

«С 9 октября 36 заключенных в Крестах голодают. Тюремщиками революционных борцов являются те же, кто губит страну и революцию. Освобождение заключенных из тюрем и освобождение страны от диктатуры контрреволюционеров — одна и та же задача. Северный областной съезд призывает вас, товарищи заключенные, щадить ваши силы и прекратить голодовку. Час вашей свободы близок. Через избранную съездом делегацию посыпаем вам братский привет».

Следуют доклады с мест.

Особенное впечатление от доклада Центробалта. П. Дыбенко заявляет:

— Балтийские моряки хотят знать, за что умирают. Флот не доверяет Временному правительству. Вся власть Советам!

Принимается привет Балтфлоту:

«Областной съезд шлет пламенный привет морякам революционного Балтфлота, которые умирают, как герои, расплачиваясь своей жизнью за преступления буржуазии всех стран.

Слава несокрушимым борцам, которые сквозь пламя и дым морского боя посыпают угнетенным клич восстания и братства народов! Слава братьям-балтийцам, слава героям революции!»

От Петроградского окружного Совета: 12 Советов Питерской губернии, собравшись недавно в Кронштадте, приняли 37-ю против трех, при семи воздержавшихся, крепкую резолюцию. Крах политики соглашательства. Временное правительство — союз корниловцев и бонапартистов; Совет республики — жалкий ублюдок. Никакой поддержки Временному правительству! Дальнейшее углубление революции возможно лишь в борьбе против буржуазии. Органы этой борьбы — Советы. Вся власть Советам!

И дальнейшие доклады — от Москвы, Областного комитета Финляндии, Выборга, Венденса, Юрьева, Ревеля и т. д. — в одну точку!

Председатель подводит итог:

— Общий язык докладов — вся власть Советам! Долой существующее Временное правительство! Нужно вести действенную политику в борьбе за власть!

На следующий день ЦИК пытается «разъяснить» съезд. Богданов (меньшевик) заявляет, что съезд, мол, неполномочен, ибо созван самочинно, а не соответствующим отделом ЦИК.

Высмеиваем эту жалкую попытку срыва съезда. Формально — натяжка, ибо были уже прецеденты. По существу — на съезде представлены почти все Советы области, и съезд созван, чтобы обеспечить исполнение воли I Всероссийского съезда Советов, постановившего созвать второй съезд не позже как через три месяца после первого. ЦИК явно саботирует это решение. Наш съезд заставит его реализовать.

Прений почти нет. Подкрепляющие возгласы: «Скорей к делу!» Всеми, при трех воздержавшихся, принята резолюция большевиков по текущему моменту:

«Советское правительство немедленно предложит перемирие на всех фронтах и честный демократический мир, немедленно и без выкупа передаст помещичьи земли в руки крестьян, реквизирует скрытые запасы и беспощадно обложит имущих. Временное правительство должно уйти. На стороне Советов и право и сила. Время слов прошло, только решительным и единодушным выступлением всех Советов может быть спасена страна и революция».

С таким же единодушием одобрен и мой доклад о «военно-политическом положении» (скорее — о фронте и мире). В нем говорил о пораженчестве буржуазии (сдача Риги, попытка прорыва немцев к Питеру — без бдительности Центробалта не был бы обороносособен залив, странные приготовления командования Северным фронтом) и о политике коалиции в отношении армии (Декларация прав, введение смертной казни, поход на организации солдат и матросов).

Следующий день особенно значителен, ибо демонстрировал сближение с нами левых эсеров — показатель подъема деревенской бедноты, признания ею руководства со стороны пролетариата.

В докладе о земле избегаю принципиальных вопросов, по соглашению с эсерами подытоживаю результаты семимесячной работы правительственных коалиций. Для крестьян ничего не сделано. Временное правительство прекрасно понимало политический смысл устранения помещичьего землевладения и противодействовало крестьянам в их борьбе за всю землю. Лишь в середине июля проведен закон о приостановке купли-продажи земли. Закон о земельных комитетах запоздал, он куц, непригоден. Зато проведено, по приказу родзянок, повышение цен на хлеб. Крестьянские волнения усмиряются силой, арестами. Мы здесь обсуждаем не программные вопросы. Зовем крестьян к организации и указываем им путь борьбы за всю землю и волю. Предлагаю принять соответствующее «Обращение к крестьянам».

Обращение принято почти единогласно. Кто-то от эсеров вдруг требует слова. Настораживаемся. «Неужели подведут?» Вздыхаем облегченно — только-то! «Для нас чрезвычайно важно установить связь между крестьянством и пролетариатом... Мы против самочинных захватов земли отдельными лицами или группами... Фракция эсеров требует немедленного перехода всей земли в руки

земельных комитетов и немедленного освобождения арестованных крестьян».

Лашевич докладывает о Всероссийском съезде Советов. Первый съезд постановил через три месяца созвать второй. ЦИК это постановление саботирует. Ныне под нашим давлением объявил о созыве съезда на 20 октября. Нет никаких гарантий, что вновь не «отложит», чтобы вовсе сорвать. Наш областной съезд должен созвать Всероссийский через голову ЦИК.

Это предложение принято. Съезд отправил «всем, всем» радиотелеграмму. В ней — о намерении ЦИК сорвать съезд Советов и призыв: «Солдаты, матросы, крестьяне, рабочие, ваш долг опрокинуть все препятствия... обеспечить ваше представительство на съезде 20 октября».

Решено также организовать Северный областной комитет «для обеспечения созыва Всероссийского съезда Советов и объединения деятельности всех Советов области».

Оглашаются приветствия от обуховцев и от латышского совета стрелков: «40 тысяч наших штыков — в распоряжении Питерского Совета. За власть Советам!»

Выбран областной комитет в составе: Дыбенко, Крыленко, Антонов (Овсеенко), Зоф, Дашкевич, Рабчинский, Королев, Раскольников, Игнатов, Сергеев, Стучка (остальные шесть — левые¹ и максималисты).

Крыленко закрывает съезд словами:

— Мы идем под знаменем революционного социализма, мы ведем непрестанную борьбу со всякого рода буржуазной коалицией, за революционную власть рабочих и крестьян и не пощадим жизни для торжества революции!

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Бодрым, боевым темпом провели мы Северный съезд Советов.

Обстановка накалялась. Чувствовалась близость развязки. В меру своей политической близорукости сами оборонцы помогали нам.

Правительство создавало панику вокруг предполагаемого наступления немцев к Петрограду. Вновь поставлен был вопрос о перенесении столицы в Москву и вновь был снят ввиду бури протестов, поднявшейся в рабочих кварталах. Но приступили практически к эвакуации некоторых промышленных заводов из Петербурга, а военное командование снова подняло вопрос о выводе на фронт частей питерского гарнизона.

Правительству, запятнавшему себя темными (все более выявлявшимися) махинациями с корниловцами, не могло быть дове-

¹ Левые эсеры. Ред.

рия в революционных массах. А корниловцы характерно проговаривались...

«Сдача Петрограда немцам имела бы положительные стороны: немцы, как и в Риге, восстановили бы в Петрограде порядок» (Родзянко — в «Утре России»).

Меньшевики же снова попытались ухватиться за эти ожившие оборонческие настроения. Они выдвинули 9 октября в исполкоме Совета идею организации советского содействия штабу Петроградского военного округа. Предложенная ими резолюция была принята исполкомом (13 против 12) и сводилась к следующему: 1) при командующем войсками округа создается особый орган из представителей Совета и Центрофлота; вывод той или иной воинской части из Петербурга может быть произведен лишь «с ведома» этого органа; 2) должны быть приняты меры к чистке командного состава; 3) должен быть создан «комитет революционной обороны, который выяснил бы вопрос о защите Петрограда и подступов к нему и выработал бы план обороны Петрограда, рассчитанный на активное содействие рабочего класса».

Вечером того же дня вопрос перешел на пленум Совета. На пленуме мы переменили тактику: подхватив меньшевистское предложение, мы повернули его против его авторов. Пленум, отвергнув половинчатую резолюцию меньшевиков, принял нашу — о необходимости Советской власти, которая немедленно предложит мир; до той поры взять оборону столицы и всей страны в руки Советов и немедленно вооружить рабочих; исполкому, солдатской секции, представителям гарнизона организовать революционный комитет обороны, который сосредоточил бы в своих руках все данные, относящиеся к защите Петрограда и подступов к нему.

В стороне от исполкома был тем временем под руководством ЦК разработан нами конкретный план организации Военно-революционного комитета. Этот план и был утвержден 12 октября исполкомом:

Военно-революционный комитет организуется Петербургским исполнительным комитетом и является его органом. В состав его войдут: президиумы пленума Совета и солдатской секции, представители Центрофлота, Финляндского областного комитета, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов, представители партийных военных организаций, Союза социалистов народной армии, военного отдела ЦИК, рабочей милиции. В задачи Военно-революционного комитета входят: определение боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу; учет и регистрация личного состава гарнизона Петрограда и его окрестностей и предметов снаряжения и продовольствия; разработка плана работ по обороне Петрограда; меры по охране города от погромов и дезертирства и, наконец, поддержание в рабочих массах и солдатах революционной дисциплины.

Кроме того, при Военно-революционном комитете и Военном отделе Совета образуется гарнизонное совещание, куда входят представители военного отдела Совета, войсковых частей всех родов оружия. Гарнизонное совещание будет органом, содействующим Военно-революционному комитету в проведении его мероприятий, информирующим комитет о положении дел на местах и поддерживающим тесную связь между комитетом и частями.

Меньшевики в конце концов уразумели, куда клонится дело... Военно-революционный комитет, заявили они,— это переход военной власти в руки исполкома, это орудие государственного переворота. Меньшевики голосовали против и занесли свой протест в протокол.

13 октября. Солдатская секция Совета. Выступают один за другим окопники с воплем о скорейшем мире. Яркую речь от Балтфлота произносит Павел Дыбенко.

Бурной овацией встречают представители питерского гарнизона представителя ЦК героического флота.

И каждая фраза его грубоватой, крепкой речи подчеркнута аплодисментами солдат.

— Перед началом последних операций командующий Балтийским флотом запросил наш второй съезд, будут ли исполнены боевые приказы. Мы ответили: будут — при контроле с нашей стороны. Но никаких приказаний Временного правительства мы выполнять не будем. И если мы увидим, что флоту грозит гибель, то командующий первым будет повешен на мачте. Контроля мы добились... В бою с нашей стороны участвовало только 15 минносцев, тогда как у немцев было 60 минносцев, 8 дредноутов, 15 броненосцев, крейсера, тральщики, транспорты. Мы сражаемся потому, что защищаем революцию и ее конечные цели... Здесь вам говорят о необходимости вывести петроградский гарнизон для защиты подступа к Петрограду, в частности для защиты Ревеля. Не верьте им. Мы сможем защищать Ревель сами. Оставайтесь здесь и защищайте интересы революции, ибо у нас есть сведения, что в Петроград направляются четыре ударных батальона, которым, по нашему мнению, более подходящее место на фронте.

Когда нам понадобится ваша поддержка, мы скажем вам сами, и я уверен, что вы нас поддержите. Вы же оставайтесь здесь и охраняйте революцию, защищайте те конечные цели русской революции, которые будут достигнуты, если уцелеет революционный Петроград.

Это выступление сильно подняло настроение секции. Положение о Военно-революционном комитете было утверждено всеми против одного, при 23 воздержавшихся.

В тот же день — еще шаг в организации наших сил: Питерский Совет создал при исполкоме отдел рабочей гвардии, наименовав его нарочито скромно: «Бюро Центральной комендатуры».

Вооружение и военное обучение рабочих двинуто мощным ходом.

16-го вопрос о ВРК был поставлен на пленуме Совета.
Яростно распинаются меньшевики.

— Ведь это штаб для захвата власти!.. Пусть большевики честно и прямо скажут, готовят ли они выступление... Массы не сочувствуют выступлению. Даже Центрофлот вынес резолюцию против него!!!

Цели ВРК ясно изложены в положении о нем. В Военно-революционном комитете могут участвовать все советские партии. Заговора нет...

И против примерно 50 «мемекающих» положение о ВРК одобрено...

ВОЖДЬ

В какой день? Должно быть, 17 октября¹...

— Идемте, Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь...

Наспех отпустив несколько посетителей, дав необходимые указания заместителю по секретарству в Военно-революционном комитете, выхожу следом за Подвойским и Невским.

Отчаливаем в открытом авто... Входим в большой дом, ярко освещенный, полный шума, суетливых людских передвижений и разговоров. В обычной комнатушке поднялся к нам навстречу Зиновьев. Гrim под приказчика мало изменял его внешность. Расспрашивает.

Отвечаю скоро, замкнуто,— недоверчиво настраивает его оппозиционность решениям ЦК.

— Если вы сможете доказать, что, взяв власть, продержимся хотя бы две недели,— насмешливо тянет Зиновьев,— то я буду за восстание.

И высказывает несколько тусклых соображений о незрелости революционной ситуации на Западе, о слабости наших боевых сил, о крупных боевых достоинствах противника, о гигантских трудностях положения.

— Спорить бесцельно,— говорю я.— Выхода нет. Мы уже в бою. Надо победить или умереть!

Узнав адрес, тронулись спешно.

...В белесых сумерках осеннего вечера автомобиль долго крутит разными закоулками, наконец останавливается на одной из улицек Выборгской стороны... Прошли еще несколько переулков, внимательно оглядываясь. Наконец, убедившись в отсутствии слежки, проскользнули в ворота одного из неказистых домов.

На условный стук открывают. Приземистый пожилой рабочий крепко ощупывает нас взглядом...

— Так... Так... Знаю... Входите, Ильич сейчас будет...

Ждали недолго.

¹ Встреча руководителей ВО при ЦК с В. И. Лениным происходила в ночь с 20 на 21 октября. Ред.

Ну кто бы его узнал, нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого товарища, вождя! Перед нами седенький, с очками, довольно бодренький старичок добродушного вида: не то учитель, не то музыкант, а может быть, букинист.

Ильич снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом сразу окинул нас.

— Ну, что нового?

Новости наши не согласовывались. В вопросе о нашей готовности к выступлению В. И. Невский и Н. И. Подвойский были настроены довольно скептически. Я же указывал, что в Питере мы гораздо сильнее, чем это им кажется. Северный съезд показал, что окрестные гарнизоны также с нами. Рассказываю о положении в Финляндии. Моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты тоже, но команды некоторых миноносцев и подлодок малонадежны, свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы внушают опасения, но выборгский гарнизон берется не выпускать их из Финляндии.

Ильич перебивает:

— Нельзя ли направить весь флот к Питеру?

— Нет. Прежде всего, фарватер не допустит, потом — крупные суда побаиваются подлодок и миноносцев. Наконец, оголять фронт матросы не захотят.

— Но должны же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике!

— Не очень понимают.

— Что же можно сделать?

— Можно дать два-три миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборжцев. Всего тысячи три.

— Мало,— недовольно и укоризненно говорит Ильич.— Ну, а Северный фронт?

— По докладу его представителей, там прекрасное настроение и можно ждать оттуда большой помощи против частей, движущихся с других фронтов. Но чтоб знать точно, надо бы туда съездить.

— Съездите. Нельзя медлить.

Эта деловая четкость Ильича бодрит, рассеивает сомнения моих спутников, крепит мою энергию. Да, надо дать «полный ход».

...Осторожно выходим на улицу. У самых ворот высокая фигура приложивается на велосипед.

Неужели шпик? Только сегодня в газетах было заявление Временного правительства, что напали на след Ленина и что арест «большевистских вождей» неминуем.

Невский возвращается обратно в дом предупредить. Прохожу, сжимая револьвер, за угол. Подвойский — на другом углу.

Велосипедист тронулся. Через пару минут Ильич, вновь неузнаваемый, переправляется в другое место.

Мы успокоенно шагаем к автомобилю.

«ВСЕМИ СИЛАМИ ПОДДЕРЖАТЬ БОРЬБУ ЗА ВЛАСТЬ!»

«Не очень понимают»... Это было несправедливо. При первых словах рассказа Дыбенко разгорелся:

— Мы б, как один, ушли с судов, если бы знали, что Питер не справится... Но нет такого ощущения. Не верится в силу керенщины... Раздавим! Неужто 500 тысяч рабочих, 150 тысяч гарнизона да еще кронштадтцы не справятся? Фронт? Мало мы их слышали, фронтовых! Кто пойдет против Питера? После Корнилова!! Для верности? Как дошло бы до «последнего, решающего»?.. Потопим флот, загородим немцу дорогу — все придет!

Сговорились с Павлом, что по условной телеграмме высыпает в Питер крейсер, четыре миноносца с боевыми взводами и десант в 5 тысяч моряков и солдат.

Тем же вечером отправляюсь к Свердлову, чтобы доложить об указаниях Ильича.

— В Вендене как раз наша конференция¹. Линия ЦК вам известна. Держитесь на ней. Задачи чисто практические. Чем больше сил дадут в Питер, тем лучше...

Смутны воспоминания. Серость пейзажа ровных пространств Лифляндии под холодящим дыханием осенних ветров... Где-то на вокзале жидкий чай с хлебом, замешанным не на соломе ли? Зябко и голодно. Хмурые, неуютные поселки... Растрепанный, просолдатченный городок.

...Партийная конференция в разгаре, когда добрался до нее. Общее впечатление молодого оживления и зрелой решимости. Слово получаю вне очереди. Сжатый доклад и вывод — идем к восстанию за власть Советам. На Северном фронте громадная ответственность. Революционный Питер ждет поддержки Северного фронта.

Коротки высказывания. Бодрая боевая резолюция.

...В перерыве — деловая беседа с руководящим ядром, добиваются уточнений. Молча, с большим вниманием слушают об указаниях Ильича.

Деловито перебирают часть за частью. Что можно сделать? Общий вывод:

— Мы здесь чуем себя на охране Питера. Немцев числим пособниками контрреволюции, главной ее силой. Латышские полки можно бы легко двинуть в помощь питерским рабочим. Но они спаялись в боях с сибирскими корпусами. Уйдут латыши — уйдут (не удержишь!) следом сибиряки. Фронт будет оголен... Нужна осторожность.

¹ Речь идет о проходившей 15—16 октября в Вендене (Лифляндская губерния) конференции большевистских организаций Северного фронта. Ред.

Под сильным напором обещают, однако, подготовить («через неделю») пару латышских полков для Питера...

— ...Надо устранить начальника второй латышской бригады. Есть боевой, близкий нам командир — Вацетис, его и поставим. Понемногу выведем 1-й и 3-й полки на Венден, 6-й и 7-й — на Валк. Ближе к цели будет...

Уточняем даты этих передвижений. Отъезжаю довольный. Исполнение начато немедленно.

20 октября латышские стрелки постановляют: необходимо «сокрушить оружием буржуазную контрреволюцию для передачи власти Советам»; должен быть немедленно созван съезд Советов и государственная власть перейти к нему; латышские стрелки готовы всеми силами поддержать борьбу съезда за власть...

ПЕРВЫЙ БОЙ — ПЕРВАЯ ПОБЕДА...

— Товарищ! Тут особое дело. Извиняюсь! Может, запоздало кое-что... Да, только теперь удалось выяснить...

Да, дело «особое»... В военном округе лихорадка. Охрана Зимнего дворца усиливается. 10 октября вызвана первая Ораниенбаумская школа прaporщиков (300 штыков), 16 октября — из Петергофа вторая Ораниенбаумская школа (350 штыков). С 8 часов вечера 16 октября командиру самокатного батальона приказано установить посты на Миллионной улице, Полицейском мосту (на Невском, через Мойку) и у Александровского сада — против Гороховой и Вознесенского проспекта, «чтоб предупредить штаб о движении к Зимнему демонстраций». В тот же день отряд в Зимнем увеличен шестью орудиями Михайловского артиллерийского училища.

17 октября Главное техническое управление распоряжается передать командованию округа 16 броневиков с Ижорского завода, броневик «Гарфорд» с Путиловского завода и с Путиловского же в Михайловский манеж — трактор-броневик. Тогда же дан наряд на бронемашины в экспедицию заготовления государственных бумаг, госбанк, почтamt, к центральной железнодорожной станции, к телеграфной станции, на Николаевский вокзал. Усилены патрули у «Крестов» и второй городской железнодорожной станции. 18-го сводный отряд в Зимнем дополнен еще пятью бронемашинами. К 19 октября в сводном отряде Зимнего первая и вторая Ораниенбаумские школы прaporщиков, пулеметная команда второй школы (6 пулеметов), 6 орудий Михайловского артиллерийского училища и 7 бронемашин.

Округ спешно создает добровольческие отряды: студенческий мотоциклетный (дано 20 револьверов), отряд самоохраны банка

(100 револьверов и винтовок). Городская милиция получила наряд на 5 тысяч вагонов¹.

Эти сведения частично не новы. Наши комиссары, наши завкомы не дремлют. Тотчас по получении нарядов мы извещены. Бронемашины задержаны с нашего одобрения завкомами Путиловского и Ижорского заводов.

Одновременно приостановлен ряд отпусков оружия Сестрорецким заводом. Наряд на 10 тысяч винтовок и несколько орудий для Каледина в Новочеркасск аннулирован. Напротив, член ревкома Андреев получил для Красной гвардии 400 винтовок. Скромно? Лиха беда — начало!

Но как это случилось, что наш ревком в Петергофе прозевал отбытие в Зимний школ прапорщиков? Посылаем проверить, подтянуть.

Только что отбыли наши наблюдатели — новое важное сообщение.

— Тут такое дело! Получили приказ выйти в пробное плавание. Исполнять ли?

Курков, хороший приятель по «Крестам», руководитель судового комитета «Авроры», тотчас же получает ответ ВРК:

— Ни в коем случае! Вас отсылают, чтобы ослабить наши силы, чтоб легче справиться с Советом. Не исполняйте приказа! Вот вам письменное указание.

— Для формы надо бы, чтобы запрет дал Центробалт...

— Дасть! И кстати, есть у вас радио? Есть! Так вот, надо бы послать радиограмму от Питерского Совета «всем, всем», что правительство готовит разгром Питерского Совета и под предлогом нашего выступления снимает с фронта войска на Питер. Питерский Совет братски просит не исполнять этих преступных приказов правительства. Вот текст.

— Есть! Будет немедленно выполнено!

...Разгоряченный, несмотря на осеннюю стужу, прибегает вдруг комиссар Финляндского полка. Только что им задержан «весельма спешный» секретный приказ командующего округом по второй гвардейской запасной бригаде. Читаем:

«...В случае выступления анархических элементов населения столицы на войска Петроградского гарнизона возлагается задача: во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа, во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений и, в-третьих, не допустить погрома и грабежей.

Ввиду того, что главнейшими объектами захвата являются: Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, государственный банк, экспедиция заготовления государственных бумаг, почта, телеграф и центральная телефонная станция, все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходим

¹ Явная опечатка; очевидно: патронов. Ред.

мо: заняв линию реки Невы, с одной стороны, и линию Обводного канала и Фонтанки — с другой, преградить мятежникам всякий доступ в центральную часть города, а кроме того, принять меры к недопущению разгрома спиртохранилищ, винных складов и пр.

Для выполнения вышеизложенной задачи весь город разделяю на районы и поручаю их охране и ведению полков в лице их командиров и полковых комитетов...

В своем районе каждый командир полка обязан: а) выставить заставы на мостах через Неву (Фонтанку и Обводный канал), чтобы никоим образом не пропустить вооруженной толпы мятежников в центральную часть города, б) решительно разогнать, не стесняясь применением оружия, всякие попытки отдельных групп к образованию толпы, в) при прибытии заставы на мост немедленно выставить у телефона в буджете моста часового и сообщать обо всем в штаб округа (по таким-то телефонам), г) усилить караулы или выставить новые у важных правительственные и общественные учреждений, д) организовать наблюдение за своим районом, не допускать никаких погромов и иметь в своем резерве всегда учебную команду и роту в 250 человек при пяти офицерах с четырьмя пулеметами, коих без разрешения штаба округа никуда не высыпать. (Следует расписание застав от полков.)

По городу будет производиться патрулирование солдат 9-го запасного кавалерийского полка и казаков, согласно особому расписанию.

Все указанные выше распоряжения только тогда будут иметь результаты, если полковые комитеты своим авторитетом будут содействовать проведению их в жизнь, почему на комитеты возлагается обязанность проверять и поддерживать исполнение настоящих приказаний.

Все распоряжения, идущие от штаба округа, делаются по приказу Временного правительства. Солдатам из казарм до особого на то распоряжения не выходить.

При выходе в наряд иметь патронов на пехотную винтовку 120, ручных бомб — по четыре на гренадера, пулеметов — четыре на роту и т. д.».

Эге-ге! Как мы отстаем!

Тотчас же решено направить в основные отделы штаба «для совместной работы и контроля» восемь комиссаров, непосредственно же к командующему округом — Мехонощина.

Созываем экстренное общегарнизонное собрание. Единогласно (и семеновцы, и 9-й кавалерийский полк, все еще колеблющийся, и казаки) голосуют за поддержку Всероссийского съезда Советов, который, взяв власть, должен дать народу мир, землю и хлеб; голосуют приветствие «Дню Петроградского Совета»,енному назначенному на 22-е, и обещают поддержку Военно-революционному комитету во всех его шагах. Единогласно одобряется также посылка комиссаров в штаб округа.

Весь гарнизон объединяется вокруг ВРК. Это первая победа начавшегося восстания.

Но вечером Мехоношин (как всегда, с легкой усмешкой на чуть отмеченном белесыми усами лице) докладывает бюро о том, что наши комиссары отвергнуты штабом, который признает лишь комиссаров ЦИК, утвержденных Временным правительством.

В ночь на 22-е продолжаются переговоры со штабом. Подкрепленные волей всего гарнизона, наши делегаты напористы. Но и штаб не сдает: не только не допускает контроля ВРК в управлении военного округа, но ведет отчаянную борьбу против наших комиссаров в частях. Всюду идут — в полках, командах, флотских экипажах — общие собрания. Везде выносится недоверие комиссарам, посланным от ЦИК, и привет нашим.

Штаб отказывается признать эти замены, требует утверждения Временным правительством.

На резкий отпор штаба, на угрозы арестом наших комиссаров наша делегация заявляет командующему округом:

— От имени всего гарнизона Петрограда объявляем, что считаем штаб округа порвавшим с Советами депутатов и с организованным гарнизоном.

22 октября ВРК объявляет:

«Гарнизону города Петрограда и его окрестностей.

На собрании 21 октября революционный гарнизон Петрограда сплотился вокруг Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов как своего руководящего органа.

Несмотря на это, штаб Петроградского военного округа в ночь на 22 октября не признал Военно-революционного комитета, отказавшись вести работу совместно с представителями солдатской секции Совета.

Этим самым штаб порывает с революционным гарнизоном и Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Порвав с организованным гарнизоном столицы, штаб становится прямым орудием контрреволюционных сил.

Военно-революционный комитет снимает с себя всякую ответственность за действия штаба Петроградского военного округа.

Солдаты Петрограда!

1) Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2) Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны.

3) Все распоряжения на сегодняшний день — День Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — остаются в полной своей силе.

4) Всякому солдату гарнизона вменяется в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина.

Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон!»

ВТОРАЯ ПОБЕДА

22 октября. День Петроградского Совета. На всех заводах, во всех воинских частях, в цирке «Модерн», в Народном доме — митинги.

Контрреволюционные силы — в подполье.

Силы революции — на улицах, на собраниях.

Мне выступать на заводах Васильевского острова, Балтийском, Трубочном.

Празднично. Торжественно. Подъемно. От этих рядов, тесно сомкнутых, от горящих глаз веет такой силой, такой уверенностью, таким единодушием!

Это предгрозовье! С этим пролетариатом нельзя не идти в бой и нельзя не победить!

А конфликт со штабом округа разрастается.

Штаб пытается, используя авторитет ЦИК, перехватить гарнизон из-под влияния ВРК.

Одновременно созванным нами гарнизонным собранием штаб созывает свое заседание гарнизонных и бригадного комитетов.

На него приглашает по два представителя от ЦИК, Петроградского Совета и крестьянского ЦИК.

Мало того!

В разгар нашего собрания вдруг — телефонограмма: главнокомандующий просит гарнизонное собрание в Смольном прислать делегатов на особое совещание у него с представителями ЦИК.

Что еще за выверт?! Решаем, однако, делегацию послать. Выбрали ребят покрепче, с бородасто-солидным подпоручиком Дацкевичем и Мехонишиным во главе. Наказ — позиции Военно-революционного комитета не сдавать.

Делегация вскоре вернулась. Дацкевич флегматично докладывает:

— Богданов и Гоц от ЦИК, Малевский — невзрачная никчемность, толстый Багратуни и взволнованный Полковников хором насели, доказывая неправомочность ВРК: штаб округа никак, мол, не может подлежать контролю Петерского Совета. Мы выслушали, и от имени делегации я заявил: «Гарнизонное собрание уполномочило нас довести до сведения штаба округа, что отныне все приказы, исходящие от штаба, должны быть контрассигнованы Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете, иначе они выполняться не будут. Это все, что нам поручено сообщить. Говорить больше мы не уполномочены». — «А как же с караульной службой?!» — растерянно спросил начальник штаба. «Весь постоянный наряд будет исполняться по приказанию штаба округа», — был ответ. На том разговор со штабом кончен.

Гарнизонное собрание покрыло бурными аплодисментами это сообщение и разошлось, обязавшись держать наготове части, держать связь с ВРК.

Полковников попытался отыграться на собрании полковых и бригадного комитетов, но услышал здесь невеселые вести от солдат. Один за другим представители полковых комитетов докладывали, что их части целиком на стороне Петроградского Совета. Главнокомандующий пытался внушить, что конфликт штаба с Советом несерьезен. Все дело-де в неутверждении Временным правительством комиссара при штабе округа, присланного ВРК. Ведь ЦИК уже имеет своего комиссара.

Однако не удалось Полковнику обойти солдатское собрание. Чтобы не прошло худшее, с трудом протащили резолюцию: «Ждать разрешения конфликта между ЦИК и Петроградским Советом».

ЦИК прикрыл своей мягкотелой спиной штаб округа.

Но правительство осталось недовольно дипломатией Полковника. Коновалов, узнав о телефонограмме Совета по гарнизону, бросился к Керенскому:

— Это бунт! Это нарушение нашего договора с вами! Мы сговорились, что власть будет полностью независима от безответственных организаций!

Экстренное собрание правительства решило «пресечь попытки к установлению двоевластия». Образ действий Полковника был признан недостаточно решительным. Приказания уже отдаются через начальника штаба генерала Багратуни. И приказания круты: предъявить Петроградскому Совету ультиматум: отменить телефонограмму о контроле комиссаров ВРК, иначе — «решительные меры»... И ультиматум был предъявлен.

Решительные меры назревают и на другом участке.

...Крайне взволнованный, несколько растерянный, прибегает в ВРК только что назначенный нами в Петропавловскую крепость комиссаром Тер-Арутюнянц. Комендант крепости отказался признать его мандат, грозит ему арестом во исполнение приказа штаба округа.

Нешуточное дело! Петропавловка — сильнейший опорный пункт Питера, держит под своими орудиями Троицкий мост, Зимний дворец. Петропавловка примыкает к арсеналу с его 100 тысячами винтовок. Она на стыке боевого нашего Выборгского района с Петроградским.

За Петропавловку надо драться!

Созываем экстренное собрание Военно-революционного комитета.

Тер-Арутюнянц повторяет доклад. Поясняю. Это решительный момент. Обеспечение Петропавловской крепости за Керенским крайне упрочит позиции Временного правительства. Овладеем крепостью мы — это будет страшным ударом керенщине: падет ее основной опорный пункт в Питере и арсенал со 100 тысячью винтовок будет нашим.

Наставлю на решительных мерах: опираясь на верную часть гарнизона, ввести в крепость батальон вполне надежного лейб-гвардии Павловского полка. Поддерживает Тер-Арутюнянц и еще

кто-то. Большинство возражает: «Нельзя рисковать. А если крепость окажет сопротивление? Ведь только что введен с фронта в нее батальон самокатчиков».

Большинством решаем: надо попытаться взять крепость изнутри — провести митинг и склонить гарнизон на сторону Советской власти.

Крайне раздосадованный, пишу в очередном докладе В. И. Ленину о нерешительности, проявленной ВРК. Понимаю тактику использования советской легальности; понимаю необходимость не зарываться чересчур вперед от основных резервов, оставаться в контакте с массами рабочих и солдат. Но когда реакция наступает, надо действовать немедленно и решительно. В этом стремлении оттянуть решающий бой до съезда Советов, на чем настаивает Троцкий, можем потерять инициативу, можем расхолодить массы, можем все потерять.

...Но утром 23-го гарнизон Петропавловки почти единодушно постановил: исполнять только распоряжения ВРК. Самокатчики-фронтовики оказались левее крепостных артиллеристов.

Тер-Арутюнянц стал комиссаром крепости и арсенала.

А следом прaporщик Благонравов (как будто нескладно-длинный, решительный и спокойный на деле) заменил арестованного нами коменданта.

Петропавловская крепость, главная опора правительства, пала без единого выстрела. Громадный арсенал перешел в руки рабочих. Тотчас же оружие по ордерам главного штаба Красной гвардии потоком устремилось в рабочие кварталы.

Это была вторая победа рабоче-крестьянского восстания.

Произошла она, конечно, лишь вопреки тактической линии, которую стремился проводить Троцкий,— Временное правительство слишком положилось на преданность взятых с фронта частей; был бы иной результат, введи оно в крепость одно из пехотных юнкерских училищ. И ЦК учел (о чём дальше) опасность линии Троцкого.

ШТАБ ВОССТАНИЯ

В тот же день Петроградский Совет пожелал заслушать доклад Военно-революционного комитета.

И ВРК представил Совету — нескольким тысячам рабочих и солдат — отчет о своей деятельности. Ведь ВРК формально орган Совета.

Собрание уже разгорячено сообщением Ломова о разгоне Калужского Совета, выступлениями представителей фронта: от 1-й стрелковой дивизии, от 2-й армии, от 4-го армейского корпуса, от 35-го корпуса, 307-го пехотного полка, 32-й дивизии Слуцкого гарнизона, от 2-й армии, 25-го армейского корпуса и комитета 8-й армии. Это — яркий клич о необходимости скорейшего мира,

а потому — всей полноты власти Советам. Армия верит Петроградскому Совету, ждет съезда Советов, который должен взять в свои руки всю полноту власти.

В этой накаленной обстановке докладываю как можно беспристрастнее и деловите о работе ВРК...

Дальше излагаю конфликт со штабом округа.

Рядом со штабом, с которым можно было бы и не считаться, нам приходится сталкиваться с ЦИК. Комендант Петропавловской крепости, возражая против установления нашего контроля, ссылался на ЦИК и предъявлял его бумажку; имя ЦИК было на устах у Козьмина, у тех господ, которые грозили нашим представителям арестом. ЦИК развязывает руки штабу для борьбы с нами, но вы, товарищи, ваша твердость и решительность связывают эти руки. Ваша твердость делает неприкосновенными нас.

Но враги революции не дремлют. С Румынского фронта против Петрограда двинуты кавалерийские части. Фронт обнажен. Части эти задержаны в Пскове. Далее против нас была двинута 17-я пехотная дивизия. Но, узнав по дороге, куда и с какой целью ее посылают, дивизия отказалась ехать. В Вендене два полка отказались выступать против Петрограда. Из Киева посылают казаков и юнкеров. По Царскосельской дороге должны быть отправлены ударники. Но петроградский гарнизон уверен в себе, он уверен в том революционном кольце, которое окружает Петроград.

Мы охраняем революционный порядок, мы принимаем необходимые меры для того, чтобы не был сорван съезд Советов, чтобы не было сорвано Учредительное собрание.

Мы выполняем волю революционного Совета, мы идем вперед, утверждая революционный порядок и приближая момент, когда Советская власть, разоружив контрреволюцию, подавит ее сопротивление и водворит торжество революционных сил.

Открываются прения. Выкрикивает истерично меньшевик (тоже!) «интернационалист» Астров:

— Вы раскалываете демократию! И сами не единодушны... Разнуздываете стихию, с которой не справитесь! Никакого восстания не будет, а лишь кровавая свалка.

От фракции объединенных интернационалистов кто-то поясняет: фракция не разделяет лозунга «Вся власть Советам!», но считает, что у петроградского гарнизона и пролетариата есть право организоваться и никто этого права отнять у них не может. Если правительство будет нас провоцировать, то будем бороться, отстаивая свои права.

Большего от этих «мартенят» требовать и не приходится.

Громадным большинством Совет одобряет деятельность комитета и призывает к всемерной поддержке его.

РАБОЧИЙ ПИТЕР ВСТАЛ ПОД РУЖЬЕ

Напряженно работает Смольный. Рядом с фракцией большевиков гудит в нижнем этаже штаб Красной гвардии.

Все заставлено ящиками с винтовками, револьверами, патронами. Вносят, выносят. Бодро, быстро... Вооружается пролетариат.

Кончила (25-го) свои работы общегородская конференция Красной гвардии¹. Боевая резолюция по текущему моменту. Устав Красной гвардии. Закреплен главный штаб. Задачи Красной гвардии, конечно: «борьба с контрреволюцией и защита завоеваний революции» (видите, как скромно, осторожно, считаясь с нерешительностью необходимых союзников!).

Установлено разграничение с милицией. Красная гвардия — в распоряжении только Петроградского Совета.

Заседает главный штаб (Павлов, В. Трифонов, Потапов, Юренев, Юркин) с районными бюро. Эти бюро выделяют в штаб по одному, а Выборгский и Пороховской по два делегата.

Постановлено держать Красную гвардию под ружьем, установить дежурства отрядов и т. д.

Произведен подсчет сил. К 23 октября имеется: Выборгский — 5 тысяч, Василеостровский — тысяча, Нарвский — тысяча, Невский — 4 тысячи, Московский — 8 тысяч, Петроградский — 600, Пороховской — 300, Охтинский — 500, Шлиссельбургский — 300.

Но эти цифры уже отстали, за 23-е новые сотни, тысячи, пожалуй, вооружились, организовались, обучаются.

23-го по ряду заводов проходят смотры, проверка знаний Красной гвардии. Настроение боевое, радостное. На Трубочном кто-то выскоцил против вооруженного выступления: «Несвоевременно! Раскол демократии!» Не дали продолжать: «Долой!»

Рабочий Питер встал под ружье!

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 48—70

¹ I Петроградская общегородская конференция Красной гвардии закончилась 23 октября 1917 г. Ред.